

Виктор ТУМАНОВСКИЙ

г. Петрозаводск

Иван Архипович медлил, все не решался. Раздумывал. Походит-походит по избе, присядет к столу. То возьмется за ручку, начнет писать первые слова, остановится, подумает-подумает и зачеркнет написанное — ничего не выходит. Скомкает тетрадный лист и бросит под печку на растопку. Пустым взглядом в окно уставится.

Никогда еще Иван Архипович не писал в газету. Ни разу, повода не было. Но клюнул жареный петух на старости лет в одно интересное место, и вот с неделю не находил себе места Иван Архипович. За что ни возьмется — все об одном и том же думает — как жизнь поменять, как наладить. А перспективы такие открывались...

В прошлый понедельник зашел на почту за пенсией, а почтальонша, баба молодая, без царя в голове, от скуки январской при народе говорит:

— Иван Архипович, вот свежая пресса, приобретай! — И выкладывает на прилавок газетки цветные с девками бесстыжими.

Одна другой краше. Красавицы! Первый раз видел Иван Архипович подобное. Слышал, что за границей этого добра полно, но чтобы у нас — впервые довелось. Что делать?

Кто был на почте — посмеиваются, наблюдают, как Архипыч выкручиваться будет, реплики бросают:

— Побольше бери, с запасом, чтобы на всю зиму хватило!

— Постелешь под матрас, чтоб теплее и нескучно спать было! Недельку с одной газеткой побалуешься, недельку — с другой! Всяк веселее!

— А газета «Правда» есть? — нашелся Иван Архипович, отодвигая рукой нескромное. Кроме партийной печати, будучи коммунистом с тридцатилетним стажем, в своем быту ничего раньше не выписывал. Да уже и подзабыл, когда в последний раз держал в руках орган Центрального комитета.

— Какая «Правда»?! Вот она перед тобой, новая «Правда»! А ту забудь! Оглянись — перестройка на дворе! Давай перестраивайся скорей, бери! Что не запрещено, то теперь можно. В бане считаешь — скрасишь одиночество! — И ржет в лицо лахудра крашенная.

Невеста
рассказ

Иван Архипович лица не потерял. Заулыбался, засмеялся, ногой в валенке притопнул, в ладоши хлопнул. А про себя подумал: «Дура!» Вслух же сказал:

— А давай! Одну возьму, а две не одолею — радикулит, знаете ли, да и денег на эту дрянь жалко. В баню не понесу — промокнет! А бумага в хозяйстве пригодится!

Дома развернул дрянь и обалдел. Хочешь — картинки рассматривай, хочешь — читай. Расстраивайся, вспоминай молодые денечки. Но поразило Ивана Архиповича другое: это ж сколько баб одиноких вокруг в мире живет и никто из мужиков о них не знает. Объявление за объявлением, заявка за заявкой — ищут свою половину, не могут найти. И бабы все большей частью неплохие: серьезные, с хозяйством, работающие, материально обеспеченные, кто с детьми — матери-одиночки, кто без, кто вдовствует, как и он, в одиночестве жизни, а кто никогда и замужем не был. Попадают объявления и всяких шалав с фото: мол, ищем состоятельного мужчину для легкого времяпрепровождения с намеками на вознаграждение. Но это большей частью молодые, городские. Тьфу! Да и мужики, хоть и в меньшем числе, не отстают от баб — пишут, не стесняются... А с другой стороны, чего стесняться? Это жизнь! Как найти друг дружку, если кругом, к примеру в нашей деревне, нет подходящей кандидатуры, ну хоть бы и для Ивана Архиповича... Нету! Сколько лет один-одинешенек! Детки взрослые по городам разъехались, лишь летом батьку вспоминают, на неделю-другую приедут, так по мелочи по хозяйству помогут и опять подадутся до городской вольной жизни.

Глянул он на стену — на фото жены-покойницы, где она еще молодая у крыльца родного дома стоит, не улыбается, внимательно смотрит, будто его самого, Ивана Архиповича, и рассматривает. Грустно сделалось на душе. Вспомнилось, как женился, как скромную свадьбу отыграли. И какой дурак он был, что сразу после армии, не погуляв хорошенько, не пошалив, сразу женился, впрягся в семейную лямку. Долго потом завидовал холостым сверстникам. А дело было так.

Демобилизовался. Вернулся в деревню.

Сразу захороводил на радостях с друзьями. Те и говорят: «Ваня, поехали на танцы. Там, в Усть-Лохте, девок не пересчитать, а парней раз и два, да и те сопливые, против нас не попрут. У нас один молодняк, не с кем и пожататься. А там выбирай любую». Как раз суббота была. Чего ж не поехать?.. Кровь гудит. Скинули лодочку-кижанку на воду. Погода хорошая, ветер — в спину, погребли по очереди в две пары весел, да еще и парус поставили. По дороге выпили. Раз, другой, еще раз. Незаметно десять верст по озеру и перемахнули. Причалили. Веселые уже.

— Давай еще по стопочке! Для разогреву!

— А, давай!

Накатили. Пошли искать, где тут, в каком доме, беседы ведут, игрище-гульбище затевается. Нашли. И правда, девок и молодых пришло немало. Нарядные. На Ваню и дружков поглядывают, глазками сверкают. Ударила гармонь, начались танцы. Зашумело, завертелось. Застучали сапоги по сосновым полам, тарелки в посуднике зазвенели, изба заскрипела. В перерывах частушки из угла в угол перелетают. Шумно, весело. Хорошо-о!

Тут еще ребята знакомые из других деревень подгребли, подсказали, где можно добавить и где за денежку малую переночевать. Совсем весело стало. Выскочит Ваня с друзьями на крыльцо покурить, приложатся к бутылочке — и опять в гущу событий. То с одной станцует, то с другой, никак не может на какую-нибудь одну глаз положить. Все нравятся!

А время к ночи идет, уже и стемнело. Пора бы и определиться. Керосинку зажгли. Гармонист еле пальцами перебирает, требует перерыва и угощения. Да и совсем захмелел Ваня. Дружки не отстают, настаивают — пей, наливают. Ноги не танцуют, приходится руками за косяки держаться, лиц в полумраке уже не различить: где дружки, где девки? Только по запаху. Те, от кого мылом хозяйственным пахнет, то девки. А те, от кого бражкой и табачищем, то парни. Фу, какой запашище! Ване от такого состояния своего совсем поплохело. Как тут кого зачалишь? Как бы с крыльца не кувырнуться! «Держите меня, падаю!..»

Очнулся. Утро сквозь оконца свой свет пускает. Очнулся лежа на чем-то твердом — явно на лавке, а под головой мягко — подушка. Открыл глаза и первое, что увидал — свои дембельские сапоги. Чистые, намытые, яловые. На печке стоят, сушатся. «Дома, что ли? Как добрались?» — подумал Ваня. Огляделся: нет, фатера¹ незнакомая, баба какая-то под образами на стуле сидит, платок повязан, губы поджаты, на Ваню без слов строго смотрит, на коленях икону с бородатым мужиком держит. Пиджак Ванин аккуратно на стуле висит, тоже чистый, на столе стакан с мутной жидкостью, запашок — что сейчас Ване в самый раз, луковица на четыре части порезана, хлеба кусочек, сверху тонкий пласт сала. «Удачно я вчера приземлился! — мелькнуло в голове у Ванюши. — Подфартило!» Рука непроизвольно потянулась за стаканом. В голове каблуки сапожищ вчерашних стучат. Язык шершавый к нёбу прилип.

«Эх, поскорей бы вылечиться!..»

Не успел Ваня стакан схватить, как баба незнакомая его ладонью накрыла, отодвинула и говорит:

— Целуй икону!

— Это еще зачем? Глупость! Можно без ваших отживших обрядов опохмелиться? Заплатчу, тетя. Деньги имеем — гуляем. — Ой, плохо Ване, говорит еле-еле, голоса своего не узнает. Если не выпить, то и помереть можно.

— Целуй икону! — не уговорится баба. — Лидка! Подь сюды!

Дверь горницы открывается, и оттуда выходит деваха. Лет двадцати, а может, и постарше будет. Взгляд в пол, руки опущены, пальцы жмет, молчит, краснеет.

«Ни фиги себе! Что это за приключение вчере стрянлось?..»

Внутри организма все у Вани остановилось.

«Быть этого не может! Я ж пьяный был, на ногах не стоял. Ни девки этой не помню, ни событий. Не напраслину ли на меня возводят? А выпить, выпить ой как хочется. Ско-

рей бы голову поправить, чтоб соображение вернулось».

— Отвечай! — баба пуще прежнего в Ваню свой взгляд злобный вперила.

— Да что отвечать? За что? — А рука сама собой к стакану с жидкостью тянется. Нехорошо Ване, ох, нехорошо. Баба стакан еще дальше отодвигает.

— Воды хоть налейте! — запросил пощады Ваня.

И сил нет с лавки соскочить и бежать отседа. Тут дверь из сеней распаивается и вваливается парнище: не то брательник старший, не то дядька девицы. На табурет у дверей присаживается, молча газетку вынимает, отрывает уголок, сигарку скручивает. Закуривает. Задымил. Неправильно как-то на Ваню сверху вниз смотрит. От этой махорки вонючей Ваню вконец заколдобило, затошнило. Деваться некуда!

— Целуй икону! Не позорь нас! — баба со стула встает, к Ване подходит, икону под нос сует. — Целуй!

Все перед глазами Ванюши закачалось, поехало, зашевелилось. Мужик бородатый с иконы прямо внутрь Ване заглядывает, будто спрашивает, чем-то строгостью на старшину Ваниного армейского похож: сейчас три наряда вне очереди назначит. Отчаяние охватило Ванюшу.

«Погибаю!..»

Из последних сил приподнялся и поцеловал незнакомому ему мужика в деревянные его глазищи, после чего тело Ванино безвольно рухнуло обратно на лавку. И сразу стало ему легче и определенной, будто нечто тяжелое с плеч сбросил.

Баба вскочила, заулыбалась, сразу помолодела. Икону к образам на место вернула. Из печи на стол чугунок с картошкой горячей ставит, откуда-то грибы-соленья выносит, стол накрывает. Стакан подвигает. Парнище подскочил, Ваню легко приподнял, за стол

¹ Фатера — квартира.

усаживает, стакан ко рту подносит, чтобы Ваня не расплескал драгоценную жидкость. Руку жмет, с чем-то поздравляет, по плечу хлопает. Своеком называет.

Опрокинул в себя Ваня, не отрываясь, в два глотка стакан, закусил, пелена с глаз и упала. В голове прояснилось. Огляделся: избенка бедная, полы некрашенные, кошка тощая на печке спит. На девицу посмотрел: да вроде ничего себе, не хромая, не кривая, лицом не красавица, да и недурна. Спину прямо держит, фигуру имеет. Брательник ейный, как оказалось, двоюродный, стакан убрал, рюмки граненые на тонкой ножке поставил, разлил. Барышню рядом с Ваней бок о бок на лавку под окна пересадили. Та от рюмочки по совету мамыши, что ей теперь сохранять себя надо, отказалась, втроем с мамышей и выпили за молодых. Еще раз поздравили. Только «горько!» не крикнули. Явно лишнее.

— Тебя как зовут? Чьих будешь? — интересуется мамыша, будущая теща. — С Кижей или волкостровский? Может, с Сенной Губы?

— С Патаневщины! Я поинтересовался, — ответил за Ваню брательник. — Горшковых корень.

«Вот тебе раз! Вот так помолвка! Ни имени твоего не знают, ни ты их фамилии. Дома расскажешь — засмеют, дружки затюкают, бабы в деревне сплетнями вымажут, вовек не отмоешься... Лучше уж соврать: любовь с первого взгляда!» — с горечью подумал Ваня. Но пришлось по всей форме представиться, родословную пересказать, на вопросы «где и как жить собираетесь?» отвечать. Да все под рюмочку, закусочку. К концу беседы Ване совсем захорошело, чуть было опять на танцы не собрался идти, погуливать маленько, но опомнился. Да и девица все более и более нравилась своей скромностью и тихим нравом. Томным взглядом и жарким боком. Уже Лидой, Лидочкой называл, пытался приобнять, но та руку спокойно убирала и на ухо говорила, что уже достаточно было, что после, что позже. После свадьбы.

После свадьбы все и раскрылось — что не было у Вани с Лидухой ничего в тот раз. А ночью подобрал беспамятного Ваню Лидкин брательник на берегу. Возвращался с озера,

сетки поздно похажал, случайно и наткнулся. Пожалел — еще простудится, в дом занес. А мамыша ее, баба смекалистая, все и обустроила. А как еще девку в возрасте замуж выдашь, когда парней так мало холостых, а девок, как окуней, как плотвы, хоть сетью лови? Вот и сообразила! Теща! Пусть земля ей будет пухом!

Иван Архипович сильно расчувствовался от воспоминаний. Вроде бы все и хорошо было. Деток троих на ноги поставили — двух пацанов и девку. Все пристроены, семейные, уже внуков пяток, да ушла из жизни Лида, Лидочка. Жили с ней по-разному, всякое бывало. Но притерлись, сдружились. А теперь? Бобыль бобылем, не с кем ни поговорить, ни в постель лечь, ни утром поздороваться. «Спасибо» не сказать.

А за окном зима, зима. Бесконечная. За серый горизонт стелется замерзшими озерами, вмерзшими островами, неподвижная, морозная, мутным зрачком солнца на мир поглядывает, метелями снежными укрывает, ветром северным убаюкивает. Мол, спите, спите до весны, до самого лета не разбужу, до месяца мая не отпущу вас. Вы пленные мои, никуда вам не деться. Сидите, сидите по домам-избенкам, коротайте долгие вечера, день еще не скоро прибавлять станет. И горько тому, кого застанет одного по пути к лету зимушка-зима. Одиноко. Темные ночи. Серые утра. Бледные будни короткого дня.

Отвернулся от пейзажа Иван Архипович, отошел от окна. Подбросил дровишек в печку. Часы с кукушкой время отстукивают.

Разложил на столе газету, углубился в чтение. На чье объявление ответить? Все к себе зовут, никто переезжать не желает, а кто к нему поедет? Ой, как хотелось бы поджениться! Сознательно подойти к выбору.

«Эх, была не была, заполню бесплатный купон на нужное количество слов. Будь что будет! — Иван Архипович собрался с духом. — Но что о себе написать, чтоб привлечь внимание? — задумался. — Какой я человек? Плохой? Хороший? Со стороны на себя бы посмотреть: спрятаться за дверью в сенях и сквозь щель понаблюдать бы... Или сделаться невидимкой...» Представил. Вслух выругался.

«Ну не дурак ли! Сейчас дорассуждаюсь, что с космосом говорить начну. Как Гришка — бывший сосед, доразмышлялся, что с инопланетянами на связь выходил через транзисторный приемник. Идет по улице, динамик поднесет к роже: «Марс, Марс, ответьте!» В контакт вступал. Лучше б с бабой своей чаще общался! Увезли бедолагу на пароходе до города Петрозаводска в больницу».

«Надо о себе нечто такое особенное сказать... Но без вранья», — Иван Архипович призадумался.

Вытащил из комода грамоты за прошлый доблестный труд, значки всякие «Участника социалистического соревнования», трудовую книжку с благодарностями, справки всякие, документы. Разложил, стал просматривать, отбирать примечательные. Но почему-то вспомнилось, как лет десять назад за один зимний сезон в его капканы пять волков угодило. Больше, чем у кого-либо в округе! Правда, кроме него да егеря (у того всего два поставлено было), никто и не ставил, но это не важно. Хоть и поругивали его деревенские, что страшно вокруг деревни передвигаться, но Иван Архипович очень гордился тем случаем. Пусть завидуют!

Вывел первую фразу: «Лучший охотник Занонежья приглашает к себе пожить...» Слово «пожить» зачеркнул и написал твердо: «жить» и дальше — «женщину...». Остановился, призадумался — какую? Продолжил: «интеллигентную», затем добавил «чуть-чуть».

«Хватит, наговорился с деревенщиной!..»

...Не старше 60 лет...

«Не нужна мне старуха!..»

...С серьезными намерениями создать семью.

Ну и немного о себе, что не пьет (попито было в свое время), не курит (накурился, что сердце прихватило, доктора запретили), имеет отдельный дом на берегу Онежского озера, баню, сарай, моторную лодку «Прогресс-4м» с движком «Вихрь-30», лодку-кижанку с двигателем Л-6, снегоход «Буран» с санями, бен-

зопилу «Дружба», два ружья с патронами, собаку лайку по кличке Чара. Возраст свой указывать не стал. Рост и вес тоже — ерунда все это. Добавил, что надежный, и зачем-то — инициативный. Уж очень ему это слово нравилось, часто на партсобраниях хвалили им. А Ивана Архиповича — ни разу. Но себя он считал мужиком бойким, хватким, ловким, то есть инициативным. На этом перечисление своих достоинств прекратил. Ну вообще и достаточно. Пересчитал слова в буквы, как было разъяснено в газете, смотрит, что не укладывается в необходимое количество. С сожалением вычеркнул моторную лодку «Прогресс-4м» с «Вихрем-30», лодку-кижанку с двигателем Л-6, бензопилу «Дружба», ружья с патронами, собаку лайку по кличке Чара, оставил снегоход «Буран» (пусть знает избранница, что не пешком зимой придется шлепать), сложил купон вдвое в конверт с заранее написанным обратным адресом, заклеил.

Утром отнес письмо до почты и, чтобы никто не увидел, незаметно опустил его в почтовый ящик. Стал ждать. Не прошло и двух недель, как приходит послание. От женщины! Пишет, что ищет надежного, инициативного, с домом на берегу озера. Охотника. Любит домашний уют, читать, вязать, готовить, без детей — те взрослые, где-то далеко живут, — и так далее, и тому подобное. Главное: готова разделить бремя семейной жизни и переехать к Ивану Архиповичу немедленно. Хоть завтра! Подходит он ей по всем человеческим параметрам!

Такой случай нельзя было упустить! Видно, что женщина ответственная, второй может и не быть! Иван Архипович сразу написал ответ: ехать надо от города Медвежьегорска на рейсовом автобусе (он каждый день ходит) до поселка Великая Губа. Там Иван Архипович и встретит на снегоходе «Буран» с санями долгожданную. А оттуда до родного дома рукой подать — двадцать пять километров, да по морозцу, да с ветерком, через замерзшее озеро перемахнуть. Про километры и мороз не стал упоминать, мало чего — еще запрямится. Подписался: «Жду. Иван».

Еще быстрее пришло сообщение от избранницы, через неделю. Едет! С указанием и даты,

и времени прибытия автобуса. Встречайте!

Медленно тянулись дни. Ожидание совсем измучило Ивана Архиповича. Нетерпение росло, подымалось от ног к голове, в сердце постукивало. Не подведи! По утрам проверял снегоход: мотор работал чисто, без перебоев. Не заглохни в нужный момент! Прибрал в избе, навел порядки. Все готово к приему счастливой жизни.

И вот пробил час! Вывел послушного железного коня из сарая, саночки приладил, два полшубка прихватил, запасную канистру с бензином. Вперед! Покатил по деревне. Навстречу бабы попадают, мужики знакомые.

— Здорово, Архипыч! Куда лыжи наладил? — интересуется местная публика.

— Да так! Прокатиться решил, размяться. Капканы в лесу проверить.

Невдомек народу, не догадывается, что с завтрашнего дня потечет жизнь Ивана Архиповича по другому, по новому руслу. Перестройка!

Кружок вокруг деревни сделал — следы запутать, и дунул что есть сил до Великой Губы. Как раз вовремя поспел к приходу автобуса. Боковым зрением заметил, что вертится у своего «Бурана» перед магазином Захар Федорович. Ну да шут с ним, его дела.

Двери автобуса распахнулись. Народ повалил с сумками да коробками и прочим добром. Ее он сразу узнал: росту повыше среднего, в пальто зеленом зимнем с меховым воротником, в сапогах, шапке лисьей мохнатой. Молодая — лет пятидесяти пяти! Одна такая, с городским налетом. Дама! В руках сумочка кожаная, какой-то мужик чемодан ей помогает вынести.

— Отвали, мужик! Я сам! — Иван Архипович не допустил, чтоб посторонние вмешивались в его будущую личную жизнь. Чемодан подхватил, руку подал, представился. Она тоже назвалась. К санкам быстро подвел, чемодан пристроил, в полшубок ее заворачивает, другой расстилает, чтобы ей помягче ехать было. Объясняет предстоящий маршрут: как правильно в санках лежать, за что держаться.

— Надо ложиться? — женщина удивилась — не предполагала такого быстрого развития в отношениях, но делать нечего — легла.

А зимний день без предупреждения в ночь переходит. Стемнело. Времени еще и пяти часов не пробило. Иван Архипович разочек проверил: ничего не забыли, все на месте? Шапку-ушанку потуже завязал, ремень на полшубке подтянул, через плечо сплюнул. Ну, давай, родимый, черт корявый! Не подведи, не останавливайся, «буранушка»! Вдарил по газам, только их и видали!

Первые километров семь дорога лесом петляет. Летит Иван Архипович, торопится, не терпится скорее домой добраться, все лошадиные силы из верного «Бурана» выжимает. На одном из лесных поворотов дама в санках не удержалась — и крикнуть не успела — вывалилась. Вместе с чемоданом и сумочкой. Пока из полшубка выбиралась, пока воздуха в легкие набирала, — кричать уже поздно было. Ивана Архиповича и след простыл. Где-то там, вдалеке, в темноте, не то мотор урчит, не то ветер в соснах свистит. Не дозвешься! Нет никого кругом. Только черный лес и ночь. Да всякая чертовщина мерещится. Деревья угрюмые от мороза поскрипывают, луна за облаками прячется, снежинки на сугробах волчьим глазом поблескивают... Люди, хоть кто-нибудь, помогите!

Захар Федорович в поселковом магазине по полной программе отоварился. Всего накопил. Выбор здесь — с деревенским не сравнить — все есть. Кооператив! Были б только деньжата. А деньги у Захара Федоровича имелись. По нынешним временам немалые. Заработал их страхом и потом — чуть не погиб. Но спасся. Три дня прошло, как оклемался, пришел в себя от ужаса. Теперь можно прямо сказать — второй раз родился. Повезло! А все Петрович, отставной майор милицейский, пенсионер хренов, — не сидится ему на месте. Бизнес решил устроить! Придумал за деньги водить народ из города в леса наши на охоту, а кого и на рыбалку свозить. Стал химичить: звонить куда-то, писать, лицензии покупать, разрешения. Ну и дописался: дали добро ему медведя завалить. Дело оставалось за малым — найти желающего испытать себя в схватке с хозяином тайги, разумеется, не бесплатно.

Прибегает поутру к Захару Федоровичу Петрович и без предисловий, не здороваясь, с ходу:

— Хочешь сто долларов заработать? По-быстрому одевайся! Оторви зад от лавки. Клиент ко мне на вертолете летит. Из самой Германии. Немец! Валютой платит! Через час приземлится!

— А сто долларов — это сколько по-нашему? — не спешил торопиться Захар Федорович. Не хотелось впросак попасть, продешевить.

— Да это... если в твоих пенсиях считать, то... за шесть месяцев, а может, и за год столько тебе государство не отвалит. Я тебя почему зову: Терешков соскочил. У него шурин помер, в город подался. Мне человека на номер не хватает. Давай-давай, не сиди! Клиент ждать не будет!

— А что делать надо? — Захару Федоровичу очень-очень захотелось сто долларов заработать. Ежу понятно, что такие деньжищи сегодня где попало на дороге не валяются, придется пахнуть. Зато потом...

— Да ерунда! Из берлоги для немца мишку поднять. Ты мужик здоровый, сможешь там по мелочи, справишься. Не бзди!

— Согласен! А далеко переть?

— На Клименецком острове. От берега километра два. Пошли!

Вертолет Ми-8 приземлился мягко и мощно, разметая снег, присел на колесах, успокаиваясь после полета. Лопасты еще медленно крутились, а дверь раскрылась, и двое летчиков, прыгнув на землю, опустили короткую лесенку. Ватага охотников с лыжами, ружьями, рюкзаками, возбужденная в предвкушении больших и легких американских денег, замерла. Третьим по лесенке сбегал молодой хлыщ, одет не по-нашему, фотоаппарат нессоветский на шее болтается, без ружья. Явно не охотник. И на чистом русском заявляет:

— Я переводчик господина Берга. Можете между собой говорить на своем родном языке, не стесняться. Господин Берг ни слова по-русски не понимает. Но ведите себя с должным уважением. Медведь приготовлен?

— Можете не волноваться! Все путем! Адрес пробит, то есть берлога оцеплена, мишка бу-

рый спит, дорога к месту дислокации проведена, то есть обозначена, — громко доложил отставник Петрович и как простой рядовой вытянулся по струнке. — Позвольте обратиться, — уже потише обратился к хлыщу. — Вознаграждение привезли?

— Вот аванс. — Хлыщ передал Петровичу конверт. — Остальное после завершения операции. Ну а теперь, госпо... това... в общем, помогите спуститься господину Бергу.

А летчики уже чем-то гремели, что-то тяжелое тащили к выходу, матерились.

В проеме обозначился господин. Точно немец! Морда гладкая, важный, пожилой, но еще не старый, в шапке импортной меховой, на стуле сидит. Стул пилоты придерживают. Стул не простой — на колесиках.

— Ё-мое! Бляха-муха! Он же инвалид! — выкрикнул кто-то из мужиков.

— Все верно. У господина Берга парализована нижняя часть тела. В Африке при охоте на слона перевернулась машина. Ну и, кажется, тигр что-то там ему зацепил, но это в другой раз произошло. Но господин Берг очень хороший охотник, известный в своих кругах. — Переводчик нимало не смутился.

— Как бы верхнюю у нас не потерял! Чего делать будем? — зашумели мужики. — Что нам, его на себе переть?! Мы так не договаривались! Петрович! Объяснись!

Петрович и сам слегка обалдел от такого поворота событий — никто не предупредил! Можно и по сопатке от мужиков схлопотать.

— Алексей Петрович, какие-то проблемы? — хлыщ повысил голос. — Нами все оплачено! Ваши менты, прошу прощения, коллеги из вашей фирмы нас заверили, что никаких накладок не будет. Если вы считаете, что возникают дополнительные расходы, то мы с господином Бергом готовы рассмотреть варианты компенсаций. — И ловко так откуда-то вытащил литруху с коричневой жидкостью. — Прошу, виски! Шотландские! Двенадцать лет выдержки.

Мужики все удивились, не поверили: столько лет терпели, не пили! Вот это волевой народ или полно у них этого добра, раз руки не дошли. Нам бы так! Ну, виски так виски! Наливай за удачу!

— Стойте! Примите вначале господина Берга на землю. Успеете еще отметить добычу! — хлыщ был строг.

Немца с коляской опустили, к санкам снегохода приладили, веревками подручными привязали, одеялом теплым замотали. Для надежности еще сверху ватником прикрыли. Ну, с богом! Вперед! По коням!

До острова Клименецкого кое-как на снегоходах добрались, а по лесу, как лошади, как какие-то рикши индийские подневольные, видали их, несчастных, в программе «Вокруг света», до берлоги потащили эксплуататора. Только пар из ноздрей валит.

Немец невозмутим. По сторонам поглядывает. Героически тряску и падения с остановками переносит. Молча русскую зиму переживает, оккупант.

Не доходя до берлоги разбили короткую стоянку. Бросили жребий — кому рогатиной медведя подымать, разбудить топтыгина не было желающих. Счастливый номер выпал Захару Федоровичу. Повезло страшно. Но куда денешься! Надо дорогих сто долларов отработать. Выбор небогатый: что от пенсии государственной рано или поздно ноги протянешь, что от зверя дикого смерть принять быстро.

— Захар Федорович, рассчитываю на тебя! Не дрейфь! Соберись! — Петрович как заправский тренер подошел к бледному Захару Федоровичу, в глаза заглянул, дал папиросой затянуться, по спине похлопал, виски не предложил — жмот. — Ну, пошел! Все наизготовку, заняли позиции. Приготовились!

Немец невозмутим. Ружье из чехла вытащил, прицелился в сторону берлоги, заряды проверил. Ждет, фашист, жаждет крови невинного животного.

— Ты только мишку вымани, дальше мы справимся, — напутствовал Петрович.

Захар Федорович хотел сказать какие-нибудь уместные по случаю слова, попрощаться, что ли, передать кому-либо... но ни одного смелого, путного в голове не оказалось. Как во сне взял двумя руками березовый кол пятиметровый наперевес и двинулся к заснеженной берлоге, из которой легкий дымок подымался, как к амбразуре вражеской. На подвиг!

Стал пихать в сугроб, шевелить деревяшкой. Все дальше и глубже, решительней...

Удара Захар Федорович не почувствовал, но вдруг какая-то сила оторвала его от матушки-земли, подняла высоко-высоко в воздух вместе с колом, и увидел он сверху, одним взглядом, — словно за окном самолета, но, конечно, пониже будет, — как убегают куда-то друзья-охотнички во главе с командиром Петровичем. И хлыщ с фотоаппаратом не отстает от них. Бросили предатели раненого бойца! А медведь из берлоги выползает, — сна ни в одном глазу, — ворошится. Крупный. Один только господин Берг в колясочке невозмутимо сидит. Не торопится уезжать...

Приземлился на спину прямо между инвалидом и косолапым. Даже не ушибся, сознания не потерял, только шапку хорошую заячью, почти новую, и валенок с левой ноги обронил. И узрел картину: как поднимается на задние лапы во весь свой исполинский рост лесной гигант и недвусмысленно направляется к ним. Скорым шагом.

Закрыв глаза Захар Федорович, зажмурился. Представил, что это сон снится ему. Но ничего подобного. Рычит зверюга, не заснешь! В штанах ватных мокро сделалось — заразился медвежьей болезнью. Прощайте, не поминайте лихом!

Раздался выстрел. Один! Как из пушки! И упал исполин прямо к ногам Захар Федоровича, дыхнул зловонием напоследок в лицо. Затих. Скончался.

А немецкий товарищ прикладом в Захара Федоровича тычет, говорит по-своему, мол, вставай, друг, не лежи, замерзнешь. Лучше выпьем! Ура! За нашу победу! И протягивает фляжку. И если до падения Захар Федорович ни бум-бум по-немецки, то теперь все ему понятно, что камрад произносит. Лишь ответить не может.

Слезы в глазах стоят, от благодарности по-русски: «Спасибо, друг! Век не забуду! Да я за тебя... да я... любого... что хочешь проси... порву!» Ну и там еще «хендэ хох и гитлер капут». И лезет обниматься с дорогим и близким ему человеком...

Слава богу! Все обошлось. И жив остался, и сто долларов заработал. Спасибо Петровичу,

бизнесмену хренову, заячья его душонка, дай бог ему здоровья за заботу! Никогда более не заманит! Ни за какие пряники! Теперь зиму переживем, не страшно, поспразднуем.

Ехал Захар Федорович из магазина не спеша, не гнал. Внимательно. Луч фары скользил по зимнику, далеко и заранее выхватывал из темени повороты, сугробы высокие, елки разлапистые. Хорошо. Луна из-за туч поглядывает. Ветер в лицо дует.

И тут за каким-то поворотом увидел Захар Федорович кучу темную посреди дороги. Стал притормаживать: «Что за хреновина? Как бы не впялиться!»

А тут куча приподымается, лапищи откуда-то у нее вырастают, машет ими, на задние встает, движется в сторону Захара Федоровича, звуки неясные издает. Скорость движения наращивает.

«Медведь! Опять! — у Захара Федоровича внутри жизнь и остановилась. — Быть этого не может... Так не бывает!.. Жизнь-то только налаживаться стала... Не верю! — стреляло в голову Захара Федоровича. А руки сами руль «Бурана» поворачивают, развернуть снегоход пытаются. — Шатун, что ли?.. За брата мстить собрался?.. Не уйду, не успею! Догонит, собака! — И все признаки медвежьей болезни в нижней части тела нарастают».

Сорвал с плеча ружье одноствольное и не целясь выстрелил. Мимо! Из-за пазухи выхватил кусок хлеба с колбасой докторской недоеденной и бросил за спину: «Подавился, сволочь! Может быть, отстанет?»

А медведь приближается, колбасу игнорирует, повизгивает, да как закричит слабым женским голосом: «Не стреляйте-е! Помогите! Остановитесь!.. Стойте-стойте! Спасите!»

«Баба?! Человек! Откуда?» — Захар Федорович остановился, двигатель приглушил, со снегохода слез, крикнул громко и успокоенно в ответ: «Вы кто?»

— Я невеста!.. Невеста Ивана Архиповича Горшкова! Невеста-а-а!!!

«Веста-а-а, веста-а-а» — подтвердило эхо в черном лесу... Захар Федорович перекрестился раз, другой, хотя и неверующий был... Попятился. Чуть не упал, еле удержался на ногах.

— Кого, кого невеста? — не поверилось до конца в страшную истину. Откуда ему было знать о письмах, о надеждах Ивана Архиповича.

«Это ж сколько лет Горшкову стукнуло? Постарше меня, пожалуй, будет. Какие, на хрен, невесты, откуда? Это с каких пор они по лесу шарятся? О душе думать пора».

А кругом лес шумит, деревьями к Захару Федоровичу движется, приближается, и ни одной живой русской души. Ружье незаряженное бесполезно на шее болтается...

Вчера от нечего делать заглянул к Петровичу, а тот хвастается — видеоманитофон купил. На медведе заработал. Предложил кино зарубежное посмотреть. Фильм ужасов. Не то «Восставшие из ада» назывался, не то еще как-то. Пакость редкостная. Мертвецы — зомби зовутся — из могил выползают, на людей кидаются. Первый раз подобное видел. Перестройка! Спасибо Горбачеву, позволил заглянуть в потусторонний мир, да и Ельцину — открыл глаза народу на нравы обитателей подземного царства. А то так бы и продолжали скрывать от людей правду жизни. Держать в неведении.

Правда жизни сейчас была уже в двух шагах от Захара Федоровича. Зомбиха шкуру скинула — это полушубок на ней был, — под ним пальто зимнее, зеленое. И его пытается растегнуть, с себя сбросить, для легкости хода. Что там под ним — страшно и подумать! Это там у них, за границей, зомби легко одеваются, а у нас не побалуешь, приходится утепляться. Захар Федорович одним броском на снегоход заскочил, давай газовать. Гусеница проскальзывает, свистит — лыжа на что-то наткнулась. «Буран» с места не трогается, мотор ревет. Невеста поганая сзади на сиденье заскочила, к Захару Федоровичу прижимается, руками ледяными за шею хватает. Сейчас кусать начнет!

«Все, отъездился!» — Захар Федорович не людь сбросить пытается. Кричит матерно. А та крепче еще цепляется.

— Не бросайте меня! Спасите! Не оставляйте! — сквозь слезы умоляет мертвая гадина, плачет, притворяется.

Все-таки свалила Захара Федоровича на землю, сверху навалилась, в лицо заглядыва-

ет... Теплым дыханием обдаёт. Слышно, как сердце её учащённо бьётся. Горячие слезы каплют. Горькие капли Захару Федоровичу в рот затекают.

— Ты что, живая?

— Живая я! Живой осталась! Спасли вы меня. Не дали погибнуть! — С тела Захара Федоровича слезит. Хотя лучше бы осталась. Давно Захар Федорович бабу на себе не держал, не прижимал. Отпускать не хотелось. Встала, фамилию назвала, имя, отчество. Рассказала Захару Федоровичу, как происшествие случилось, как одна-одинешенька в лесу оказалась.

«Ну, Иван Архипович! Иван Архипович! Ну, даёт! Конспиратор! Все не угомонится, кобель старый», — слушал историю Захар Федорович.

Перекурил. Принял решение.

— Поехали! Дома у меня доскажешь. Небось замерзла, натерпелась! Отогрею! Чем смогу.

— Как же Иван Архипович, он, наверное, волноваться будет?

— Ничего. Перетопчется. Не впервой.

Помчались с ветерком. А что ей делать оставалось — не в лесу же куковать?

Иван Архипович пропажу заметил, когда по деревне мчался. Вот уже и дом виден. До этого не до того было: главное, поскорее долететь. Оглянулся на санки, а там нет никого. Ни дамы, ни чемодана, ни сумочки. Полушубок тоже куда-то исчез. «Может, и не было никого? Может, это мне все привиделось? От постоянного одиночества?» Но пропавший полушубок, в качестве вещественного доказательства, опровергал это направление мысли Ивана Архиповича: «Что делать? Где ж я её потерял? Назад поворотить? Надо было хоть изредка поглядывать!»

Решил вначале горячего чаю испить, да бензина дозаправить, да с мыслями собраться. Через полчаса в обратную сторону полетел.

Нет никого на дороге! Аж до Великой Губы добрался — пусто. Никто одинокую бабу не видал. Не захаживала. Поташился обратно. Проедет немного, покричит-позовёт. Тихо. Скрип лесной в ответ раздаётся. Сердце по-

шаливать стало. «Не утащили ли бабу волки?» — на дорогу внимательно Иван Архипович посматривает — ищет кровавые следы трагической развязки. «А это что такое? Явно снегоход здесь чей-то елозил. Туда-сюда. А вот и отпечатки тел человеческих — борьба нешуточная случилась — сугроб весь утоптан. Но крови не видать». И тут как молния пронзило Ивана Архиповича видение: как крутился у своего снегохода перед магазином Захар Федорович: «Точно, точно он! Следил, завистник! Воспользовался случаем. Силой захватил избранницу — он как сопротивлялась бедная женщина, отбивалась. В лес пыталась уйти. Не дал, изверг, увез!»

И что было в нём и «Буране» сил помчался выручать пленницу.

К дому Захара Федоровича подлетел, чуть баньку не снес, на крыльцо забежал, кулаком в дверь застучал.

«Отдавай, ворюга, чужое, не тобой нажитое!» — про себя кричит Иван Архипович.

— Кто там? — из-за двери спрашивает Захар Федорович, но уже догадался, кто в гости пожаловал. Не спешит открывать, понимает возбужденное состояние Ивана Архиповича.

— Признавайся, ты женщину мою нашел в лесу, подобрал чужую?

— Спас! Скажешь тоже — подобрал! Да если б не я, то погибла бы. Замерзла. Да и тебя, дурака, от тюрьмы уберег. Отвечал бы за содеянное, — не открывая дверей, аргументировал свою позицию Захар Федорович. — Привязывать крепче надо!

— Пусть она сама ответит! Ко мне ехала! Со мной жить собиралась! — не сдавался Иван Архипович.

— Отваливай! Моя она теперь! — глумился за дверью соперник. — Иди, иди, пиши письма! Другую по почте выпишешь. Оформляй подписку!

— Нет! Пусть она выйдет! Что ты за неё решаешь!

Женщина сидела в избе ни жива ни мертва. Прислушивалась. Страшно — как бы смертоубийство между мужчинами не произошло. Покалечат друг друга, с кем потом жить? Ухаживай за инвалидом! Мыкайся!

Сама она за последние три месяца намыка-

лась. Нагоревалась. Наплакалась. Дом ее родной сгорел дотла. Дымоход нечищенный подвел. Что было под рукой, в том и выскочила. Хорошо, что соседи в деревне добрые, приютили. Но не вечно у них маяться. Объявление в газете прочитала — подходит предложение, вот и бросилась от отсутствия жилплощади в омут сожительства. Думала, перезимует, а летом видно будет, может, заново отстроиться удастся. Сбережения есть, страховка за дом, сельсовет лесом обещал помочь...

Но что сейчас загадывать, выбирать надо — с кем остаться. А разницы большой не наблюдалось: что у этого дом и баня на берегу озера, что у другого. И сараи имеются, снегоходы, ружья с патронами, бензопилы «Дружба», лодки с моторами, лишь собак поразному зовут. Один высокий, другой пониже. Один потерял, другой нашел.

Может, это судьба?

Вышла к дверям: «Простите меня, Иван Архипович! Если сможете. Здесь остаюсь». Развернулась, в избу ушла. Дверь плотнее захлопнула, чтобы никого не слышать. Устала.

— Ну и гад ты, Захар Федорович! Охмурил неопытную женщину, чужими руками счастье свое строишь! — не унимался Иван Архипович. «Подпалить, что ли, его вместе с изменницей?» — пошарил по карманам — нет

спичек: забыл, что давно не курит. Может, это и к лучшему. Не стал брать грех на душу. И так все ясно. Не отбить! От ворот поворот!

— Аукнется тебе, Захар Федорович! Сторицей вернется, ответишь за все! — уже садясь на снегоход, кричал в закрытую дверь Иван Архипович.

— Езжай, езжай, женишок! Вали! — снисходительно прощался Захар Федорович. — Что с веза упало, то пропало!

— Да чтоб у тебя... змея... упало... чтоб в первую брачную ночь... да все... все и пропало! Не стояло! Никогда! Из рук валилось! Паразит!

Плюнул Иван Архипович напоследок на крыльцо обольстителя и потрусил домой. Обиду заглаживать. Да и метель начиналась, как бы не заплутать в потемках...

Виктор Евгеньевич ТУМАНОВСКИЙ

детские годы провел на Украине.

В музее «Кижы» был разнорабочим, электриком, почтальоном,

пожарным, организатором экскурсий,

пил и колот для нужд музея дрова,

косил траву вокруг памятников деревянного зодчества,

подрабатывал плотником...

Живет на соседнем с Кижами острове Большом Климецком

в деревне Патаневщина, в том самом месте,

где проживал знаменитый заонежский сказитель

Трофим Григорьевич Рябинин.

В журнале «Север» публикуется впервые.

